

Е.А. Певак (Москва, Россия)

**Вл. Воропаев. Духовник Гоголя. – Смоленск:
Историко-литературный журнал «Странник»,
2021. – 100 с.**

Е.А. Pevak (Moscow, Russia)

**VI. Voropaev. Nikolai Gogol's Confessor. – Smolensk:
Historical-literary Journal "Strannik", 2021. – 100 p.**

История взаимоотношений Н.В. Гоголя и ржевского протоиерея Матфея Константиновского на протяжении последних ста лет уже не раз привлекала внимание исследователей, в том числе и тех, кто не ограничивался в своих изысканиях собственно творчеством Гоголя, но рассматривал этот этап жизни писателя в контексте событий более общего характера. Такой подход характерен для деятелей русского религиозно-общественного движения в начале XX в. И для них в первую очередь важен был вопрос, связанный с судьбой Русской церкви в ее историческом измерении. Не случайно именно судьба Гоголя была предметом острых споров, разгоравшихся во время заседаний Религиозно-философских собраний¹. Речь шла как о сложных взаимоотношениях отечественной интеллигенции с Церковью, о претензиях в адрес православия, игнорирующего, как представлялось его критикам, живую жизнь, так и о сугубо «профессиональных» вопросах писательского труда.

Не один Гоголь вынужден был решать вопрос, возможно ли человеку – творцу произведений искусства, исполненных даже самого высокого смысла, рассчитывать на то, что ему по-прежнему открыт будет, как и всем обыкновенным людям, путь к Богу, или же для спасения души ему следует «отныне отложить Ненужных дум бесплодное брожение»:

Дух праздности и прелесть песнопенья
Постом, певец, ты должен победить!

(А.К. Толстой. Иоанн Дамаскин)

Собственно говоря, упреки в адрес о. Матфея со стороны тех, кто выступил «в защиту» Гоголя, касались и этой стороны дела: якобы под влиянием своего духовника писатель изжил в себе творческое начало, что приблизило его смертный час.

В советском литературоведении религиозные взгляды Гоголя, характер его взаимоотношений с Православием в расчет не принимались, но негатив в отноше-

¹ Об этом см.: Певак Е.А. Гоголь в зеркале русского модернизма // Stephanos. 2018. № 5(31). С. 51–62.

нии духовного руководителя Гоголя, «отвадившего» его от творчества, подкрепленный оценками В.Г. Белинского, настойчиво игнорировавшего религиозную составляющую творчества писателя, перекочевал в работы советского периода.

Видимо, теперь пришло время для того, чтобы непредвзято разобраться в том, какова была роль Церкви в судьбе Гоголя, и в свете этого вопроса по-новому взглянуть на личность о. Матфея, чему немало будет способствовать новая книга В.А. Воропаева, куда помещены два очерка: «Иоанн Кронштадтский Ржевского уезда: протоиерей Матфей Константиновский» и «“Вам душа моя известна больше, чем мне самому”»: Гоголь и протоиерей Матфей Ржевский». В первом о. Матфей представлен как пример религиозного деятеля-просветителя, неустанного проповедника Евангелия, прекрасного оратора, но в то же время и как человек, хорошо понимающий земные нужды находящихся рядом с ним людей.

Во втором очерке автор не ограничивается исключительно взаимоотношениями Гоголя и о. Матфея, историей сожжения второй части «Мертвых душ», но дополняет ее рассказами о том, как общались и какие оценки давали о. Матфею современники Гоголя (А.П. Толстой, Т. Филиппов, П.А. Плетнев, М.П. Погодин, А.П. Смирнова). Не обойден вниманием эпизод с отречением от Пушкина, чего будто бы требовал от Гоголя о. Матфей. Достаточно подробно остановившись на этом вопросе, В.А. Воропаев еще раз разъяснил свою точку зрения, опираясь на свое представление о том, как именно Гоголь мог воспринимать Пушкина: не как некий идеал, не как божество: «Гоголь видел в Пушкине прежде всего национального гения» (стр. 50). В связи с этим, в частности, затронута и противопоставление двух «старцев»: о. Матфея, «сурового и строго обличителя... аскета Ферапонта» (стр. 69) из «Братьев Карамазовых», – и его антипода Оптинского о. Амвросия, «почитателя Пушкина... смиренного старца Зосимы» (стр. 69) из того же романа Достоевского. Но, приводя как довод слова еще одного русского писателя, оказавшегося около церковных стен, – К. Леонтьева, В.А. Воропаев, склонен считать, что путь отречения был выбран Гоголем сознательно, и обвинять в сделанном им выборе тех, кто был с ним рядом в трудные минуты его жизни, нелепо.

Интересны в книге упоминания об Иване Яковлевиче Корейше – юродивом, часто появлявшемся на страницах произведений русских писателей, знакомом нам, как правило, именно в этой своей, литературной ипостаси.

Дополняют два очерка помещенные в Приложении проповеди о. Матфея, а также 16 л. с иллюстрациями.

Обратившись к проповедям о. Матфея, современный читатель сможет самостоятельно оценить талант проповедника и уровень религиозного сознания человека, несомненно оказавшего серьезное влияние на мироощущение Гоголя.

Сведения об авторе:

Елена Александровна Певак,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena A. Pevak,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
epevak@yandex.ru